

Тур Евгения

Три рассказа для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгения Т.**
Три рассказа для детей / Тур Евгения – М.: Книга по Требованию, 2023. – 202 с.

ISBN 978-5-519-77885-5

1. Жемчужное ожерелье ; 2. Звездочка ; 3. Хрустальное сердце

ISBN 978-5-519-77885-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Давно, очень давно тому, жилъ въ Гренадѣ старый умный еврей, котораго въ городѣ всѣ знали и всѣ боялись. Боялись его не потому, чтобы онъ дѣлалъ кому-либо зло или непріятности, а потому что онъ ни съ кѣмъ дружбы не водилъ, хлѣба-соли не дѣлилъ и жилъ отшельникомъ, не принимая никакого участія въ бѣдѣ сосѣда и знакомыхъ. Домикъ его стоялъ въ отдаленной улицѣ, окнами съ одной стороны въ садъ, а съ другой стороны во дворъ. Часто, далеко за полночь изъ оконъ виднѣлся огонекъ и два окна комнаты еврея были постоянно освѣщены. Иногда это освѣщеніе принимало какой-то страшный видъ. Въмѣсто обыкновеннаго бѣловатаго свѣта свѣчей вспыхивалъ въ окнахъ красный отблескъ пламени или голубоватый отливъ, какого-то страннаго огня; иногда видно было, что внутри пылаетъ полымя, то разгорается, то потухаетъ; подумаешь пожаръ — а между тѣмъ пожара нѣтъ. На другой день всякій можетъ видѣть, что стоитъ себѣ домикъ въ саду, какъ стоялъ наканунѣ тихъ и пустыненъ.

Да и кому въ немъ двигаться, входить, выходить? живетъ въ немъ старый еврей, съ красавицей дочкой и ея старой престарой нянькой. Красавица дочка никогда за ворота не выходитъ, ни съ кѣмъ не знакома и гуляетъ въ своемъ тѣнистомъ саду. Иногда видаль ее садовникъ, приходившій работать въ саду и поливать рѣдкіе цвѣты, до которыхъ страстная охотница дочка еврея. По словамъ садовника, трудно было встрѣтить такую красавицу. Чернобровая, высокая, стройная, съ пунцовыми губками, на нее нельзя было не заглядѣться. Двѣ черныхъ густыхъ косы спускались съ плечей ея

вдоль стройнаго стана. Она была весела и добра. Отецъ любилъ ее безъ памяти. У него только и было на свѣтѣ что дочка; никого другого любить онъ не могъ и даже не желалъ. Жена еврея давно умерла и онъ всю душу свою, послѣ ея смерти, отдалъ дочери. Старый еврей цѣлое утро сидѣлъ въ своей комнатѣ, куда никто ни подь какимъ предлогомъ входить не смѣлъ, ни даже сама его дочь. Пообѣдавъ съ нею, онъ около часа слушалъ ея дѣтскую болтовню, никогда не журилъ дочери и ни въ чемъ ее не стѣснялъ. Лія (ее звали Ліей, а его звали Соломономъ) рассказывала своему отцу безъ смущенія и безъ робости свои радости, печали, заботы и всякія мысли, входившія въ ея горячую головку. Серьезный, угрюмый, важный и для всѣхъ неприступный Соломонъ улыбался рассказамъ Ліи и гладилъ ее по головкѣ даже и тогда, когда она ему рассказывала свои шалости. Послѣ обѣда Соломонъ запирался опять въ свою комнату, и выходилъ въ садъ на встрѣчу Ліи только за часъ до захода солнца. Лишь только солнце скрывалось за горы и золотило ихъ своими послѣдними лучами, Соломонъ благословлялъ дочь, уходилъ въ свою комнату, запирался на ключъ и оставался тамъ до бѣлаго утра. Что онъ тамъ дѣлалъ? спросите вы у меня, мои милые. Это спрашиваете не вы одни. Всѣ въ Гренадѣ большіе и малые, умные и глупые, ученые и неученые задавали себе и другъ другу вопросъ этотъ. Часто запоздавшій пѣшеходъ, проходя мимо домика Соломона, вдругъ пугался, видя черезъ рѣшетку, обгораживавшую дворъ Соломона, столбы свѣта, то краснаго, то синяго, зловѣще освѣщавшіе и дворъ, и улицу и внезапно меркнувшіе. Прохожій крестился поспѣшно и скорѣхонько убирался домой, бормоча про себя: „Съ нами крестная сила!“ Вы не удивитесь послѣ этого, если я скажу вамъ, что въ Гренадѣ начали поговаривать сперва тихонько, а потомъ гласно, а потомъ и взапуски, что Соломонъ колдунъ и что пора бы властямъ взяться за него и разузнать чѣмъ это онъ

занимается по ночамъ, запершись въ своей комнатѣ. Но пока въ городѣ всѣ говорили и осуждали Соломона, онъ жилъ себѣ по прежнему, ничего не зная о городскихъ слухахъ. Да оно и лучше. Не надо дѣлать ничего дурного, ничего противнаго божескимъ законамъ и правиламъ чести, ну, а пустыхъ людскихъ пересудовъ не переслушаешь. Знаете басню: мужикъ и осель; а если не знаете, такъ прочтите: изъ нея вы поймете, если у васъ есть хотя немного смекалки, въ чемъ дѣло. Но возвратимся къ Соломону. Соломонъ не зналъ за собою худыхъ дѣлъ, жилъ спокойно, но не заботился ни о комъ кромѣ дочери, и не смотря на свое богатство, никому не дѣлалъ добра, никому не помогаль. Онъ позабылъ, что мало не дѣлать *дурного*, а надо стараться дѣлать хорошее, то-есть, доброе. Но не о томъ думаль Соломонъ. Онъ думаль только о своей дочери, о своей любви къ ней и о томъ, что онъ ей оставить большое богатство. Послѣ дочери милѣе всего была ему та комната, въ которой запирался долгіе часы дня и ночи. Не хотите ли узнать, что было въ этой комнатѣ Соломона? Вѣдь я взялась вамъ рассказывать, такъ мнѣ нельзя отдѣлаться словами, что я де не знаю. Передъ рассказчикомъ замки дверей отворяются, стѣны распадаются, онъ входитъ всюду и видитъ все, чтобы потомъ передать исторію своимъ маленькимъ внучатамъ. и ихъ друзьямъ. Комната Соломона была большая, четвероугольная, съ двумя большими окнами; посерединѣ комнаты стоялъ огромный столъ, а на столѣ жаровни, банки, вазы, горшки стеклянные, глиняные, оловянные, мѣдные, всѣхъ возможныхъ формъ и всякой величины. Около нихъ въ беспорядкѣ лежали ножницы прямые и кривые, ланцеты, щипцы, клещи, ножи, ложки огромныя и крошечныя, короткія и длинныя. По стѣнамъ стояли шкапы со стклянками, бутылками и бутылками, съ огромными пучками сухихъ травъ и связками сухого дерева. Въ другихъ шкапахъ стояли книги, да такія большія, такія тяжелыя, переплетенныя

въ сафьянъ или въ толстую кожу, такъ что ихъ поднять-то можно было лишь съ трудомъ. Иныя изъ нихъ были покрыты слоємъ пыли, будто лѣтъ 20 ихъ никто и въ руки не бралъ, другія лежали на столахъ и стульяхъ полуоткрытыя, какъ будто ихъ сейчасъ кто-либо читалъ и не успѣлъ закрыть. Даже на полу въ углахъ лежали гудами одна на другой множество книгъ, и торчали изъ-за бутылъ, банки и жаровни. У большаго стола стояло большое кресло. Около небольшихъ столиковъ въ углу стояли маленькіе стульчики, которые легко было переносить съ одного мѣста на другое. Комната Соломона не отличалась ни порядкомъ ни чистотою — ему было не до чистоты. Онъ съ утра до обѣда, и съ обѣда до ужина и съ ужина до ранняго утра сидѣлъ надъ книгами, корпѣлъ надъ жаровнями и кружками. Соломонъ, вы вѣрно сами догадались, былъ ученый химикъ; вы знаете, что колдуновъ нѣтъ, и что все это розсказни старыхъ неученыхъ людей. Они, чего не знаютъ или понять не могутъ, сейчасъ и вопятъ: колдунъ да колдунъ. Нѣтъ колдуновъ и никогда ихъ не бывало съ-поконъ вѣка, а есть знахари, и въ старые годы бывало ихъ еще больше чѣмъ теперь. А знахари, это люди, которымъ извѣстны свойства травъ и всякія цѣлебныя и вредныя зелья. Теперь знахарей меньше, а докторовъ больше. Доктора и есть настоящіе знахари, ибо посредствомъ науки дошли до того, что знаютъ какъ, что и отъ чего давать больному. Соломонъ былъ знахарь и кромѣ того химикъ. Онъ зналъ какъ варились, прокаливались и сушились въ разныхъ стеклянкахъ и баночкахъ разнообразнѣйшіе химическіе составы, то у него получалось изъ черныхъ землистыхъ массъ — серебро чистое, бѣлое, блестящее; то, повидимому изъ тѣхъ же массъ, только сѣрыхъ цвѣтомъ, получались различнаго цвѣта прозрачныя камни; то въ этихъ котлахъ, стоящихъ спокойно, не на огнѣ, выдѣлялись красивые разнообразныя хрустали. Онъ зналъ секретъ готовить гремучее золото, котораго маленькій шарикъ

былъ достаточенъ, чтобы взорвать громадную башню. Да и мало ли что онъ зналъ еще; всего не перескажешь. Довольно того, что въ тѣ старыя, темныя времена, онъ зналъ то, чего тогда почти никто не зналъ; поэтому-то его и считали колдуномъ. Бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что зная такъ много, Соломонъ не заботился ни о комъ и не помогаль никому. Увидить ли онъ больного, ему и въ голову не войдетъ полечить его; увидеть ли бѣднаго, онъ и не подумаетъ дать ему денегъ; свое знаніе и свои деньги онъ держалъ про себя, не дѣлясь ими ни съ кѣмъ.

Однажды передъ вечеромъ сидѣлъ Соломонъ въ своей лабораторіи и, протянувъ проволоки, прилаживалъ къ нимъ какія-то банки, потомъ приставилъ къ нимъ большую машину, натѣрь какимъ-то составомъ пластинку около большого стекляннаго колеса и долго читалъ и долго думалъ. Ужъ смеркалось. Наконецъ онъ всталъ, выпрямился, взялся за большое стеклянное колесо машины, и повернулъ его, и потомъ еще и еще... и вдругъ... Соломонъ самъ испугался и отскочилъ въ сторону... по проволокаѣ полетѣла синяя искра и другая, и третья. Онъ пересталъ вертѣть колесо, оно остановилось. Перестали летать искры. Соломонъ притронулся къ проволокаѣ и вздрогнулъ. Онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ сотрясеніе. Долго онъ стоялъ задумавшись. Потомъ подошелъ, повернулъ опять стеклянное колесо и опять запрыгали искры. Опять дотронулся онъ до проволоки и опять вздрогнулъ еще сильнѣе. Онъ отступилъ назадъ и закричалъ внѣ себя: „Вотъ оно! вотъ, что я искалъ такъ долго! Эта сила — сила великая и она произведетъ великій переворотъ во всемъ мірѣ. О ней говорятъ древнія книги. Ее знали египетскіе жрецы и римскіе первосвященники. Да, я великій магъ и чародѣй! Я проникъ въ тайнства великой матери нашей природы. Для меня нѣтъ у ней тайнъ. Я все знаю, а чего еще не знаю, то узнаю очень скоро. Богъ создалъ видимый и невидимый міръ и я открою его законы. Я проникну все и своимъ всемогущимъ умомъ

покорю себѣ всѣ силы сильныя, всѣ силы, до сихъ поръ невѣдомыя". Наконецъ — ослѣпленный до безумія гордостью своего знанія, Соломонъ вскричалъ: „Я равень самому Богу. Онъ создалъ, а я понялъ, я открылъ. Да, я равень Богу!"

Едва произнесъ Соломонъ эти преступныя слова, какъ раздался громкій стукъ въ его двери; стучали порывисто, съ изступленіемъ. Соломонъ находился въ такомъ состояніи, что сначала не замѣтилъ стука, а потомъ опомнился, вслушался и въ припадкѣ гнѣва позабылъ свою старость и словно юноша побѣжалъ къ двери.

— Кто смѣетъ беспокоить меня, смущать меня? — закричалъ онъ гнѣвно.

— Это я, Сара, — раздался голосъ няньки Ліи.

— Поди прочь, поди старая дура! завтра же тебя не будетъ въ моемъ домѣ, — кричалъ Соломонъ, дрожа отъ гнѣва. — Какъ ты осмѣлилась меня потревожить?

— Соломонъ! Соломонъ! — кричала нянька за дверью, и голосъ ея дрожащій и пронзительный свидѣтельствовалъ о ея страхѣ и волненіи. — Моя Лія, мое дитя, твоя Лія, твое дитя умираетъ, умерла! Слышишь ли, умерла, говорю я тебѣ!.. умерла!"

Бѣдный отецъ остоленѣлъ, будто не понимая тѣхъ ужасныхъ словъ, которыя рыдая произносила старая Сара. Онъ отперъ дверь. У порога стояла въ изступленіи Сара; она рвала свои сѣдые волосы, била себя въ грудь. При видѣ ея отчаянія старый еврей пришелъ въ себя и стремительно бросился изъ своей лабораторіи, сильною рукою оттолкнулъ онъ Сару, пробѣжалъ нѣсколько комнатъ, съ порывистою силою юноши, распахнулъ двери и вбѣжалъ въ комнату дочери.

То была угловая комната, свѣтлая съ окнами въ садъ: лучъ ранняго солнца пробивался черезъ закрытыя ставни и падалъ на высокую, большую изъ темнаго дерева постель съ голубыми занавѣсками и витыми колоннами. На этой большой постелѣ лежала молодая

шестнадцатилѣтняя Лія, безъ движенія и повидимому безъ жизни. Ея бѣлыя какъ снѣгъ руки были протянуты, а черныя какъ смоль косы вились рядомъ съ ними, ярко отличаясь своимъ чернымъ цвѣтомъ отъ бѣлизны матовой шеи и рукъ. На Ліи было бѣлое платье и отъ того она еще больше походила на покойницу. Несчастный отецъ бросился на дочь, схватилъ ея холодныя руки, приложилъ свое ухо къ ея груди и вдругъ отскочилъ какъ ужаленный. Багровая краска покрыла его блѣдныя щеки.

„Она не умерла: она дышетъ, сердце ея бьется“, закричалъ онъ съ волненіемъ неожиданной радости. „Я ее вылечу!.. Мнѣ все возможно!“

Сара, успѣвшая тоже прибѣжать, подскочила къ Ліи и также приложила свое ухо къ груди своей питомицы.

„Да, да, она дышетъ!“ воскликнула она, обращаясь къ Соломону, но его уже не было въ комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ торопливо возвратился съ банками и стеклянками солей, духовъ и разныхъ снадобьевъ. Соломонъ былъ искусный врачъ: онъ принялся оттирать свою дочь. Онъ теръ ей виски спиртами, давалъ ей ихъ нюхать; онъ разулъ ее и теръ ей ноги такъ сильно пахучими лекарствами, что онъ самъ, и помогавшая ему Сара задыхались и кашляли. Но Лія лежала неподвижно, даже дыханіе ея не измѣнилось. Она дышала ровно, тихо, чуть-чуть слышно, но непрерывно. Было очевидно, что Лія не умерла, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на всѣ усилія отца и няни, не могла придти въ себя, не могла ожить. Нѣсколько часовъ сряду хлопотали около нея и отецъ, и няня, но она оставалась въ томъ же положеніи. Наконецъ старый Соломонъ выбился изъ силъ, онъ съ тою же живостью, не смотря на свою усталость, опять пошелъ въ свою лабораторію и принесъ оттуда другія стеклянки. Онъ принялся опять оттирать Лію, но ничто не помогало. Тогда онъ налилъ какихъ-то капель въ воду и силился

разжать крѣпко стиснутые зубы Ліи, влить ей цѣлительный бальзамъ въ ротъ, но несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ разжать какъ въ судорогѣ стиснутыхъ губъ ея. Крѣпко задумался старый еврей и горестна была его дума. Сложивъ руки стоялъ онъ надъ безчувственной дочерью и впился въ нее умнымъ упорнымъ взглядомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ очнулся и опять быстро пошелъ въ свою лабораторію. Дрожавшими руками, торопливо сталъ онъ перебирать свои книги, вытащилъ какіе-то огромные фоліанты и трепетною рукою перелистывалъ пожелтѣвшіе отъ времени и покрытые пылью листы ихъ, и потомъ отыскавъ, что ему было нужно, углубился въ чтеніе. Долго читалъ онъ, читалъ и соображалъ, потомъ вскочилъ и зажегъ свой очагъ. Онъ влилъ въ большую кострюлю какихъ-то снадобьевъ, приправилъ ихъ травами, всыпалъ туда порошки, по временамъ заглядывая въ книгу, и принялся кипятить такимъ образомъ составленное лекарство. Долго онъ читалъ и мѣшалъ длинной ложкой варившееся въ кострюлѣ зелье, заботливо нагибался надъ нимъ, нюхалъ его, пробовалъ, наконецъ къ полудню, онъ потушилъ очагъ, снялъ кострюлю съ очага и поставилъ ее въ холодный погребъ. Затѣмъ онъ пошелъ навѣдать дочь. Она лежала въ томъ же положеніи. Поглядѣвъ на нее молча, съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Соломонъ пошелъ за остывшимъ лѣкарствомъ и воротился съ нимъ. Онъ позвалъ Сару и вмѣстѣ съ ней принялся заботливо, съ новою силою, съ новою надеждою оттирать дочь. Но ничто не помогало. И опять пошелъ Соломонъ въ свою лабораторію, и опять рылся въ книгахъ, и, опять начитавшись, варилъ и составлялъ новые спирты и мази и опять приходилъ къ дочери съ новой надеждой... Но все было напрасно. Дочь лежала какъ мертвая. Такъ прошли три дня и три ужасныя томительныя ночи... Бѣдный отецъ не ѣлъ, не спалъ, все читалъ, готовилъ лѣкарства, все оттиралъ дочь, и все тщетно. Тогда онъ взялъ свою трость, шляпу

и отправился въ городъ. Скоро онъ возвратился съ двумя евреями двумя учеными химиками, слывшими въ городѣ за колдуновъ. Они какъ и Соломонъ посвятили всю жизнь свою на ученіе и знали поименно всякаго сорта травы и ихъ свойства. Соломонъ ввелъ ихъ въ комнату дочери. Они долго смотрѣли на нее, слушали ровное дыханіе ея, брали ея руки, старались согрѣть ихъ и потомъ сѣли у ея постели.

— Ну что? спросилъ дрожащимъ голосомъ несчастный отецъ.

— Я никогда не видалъ еще такой болезни, — сказалъ одинъ изъ ученыхъ. — Ты употребилъ всѣ мнѣ извѣстныя средства. Я не знаю, что еще тебѣ посоветовать.

— Въ одной очень старинной книгѣ говорится о дѣвушкѣ оставшейся въ безчувствіи нѣсколько дней, — сказалъ другой ученый; — всѣ средства оставались бесполезны, но она очнулась сама по себѣ на восьмой день обморока. Посмотримъ, не случится ли тоже и съ твоей Ліей.

— Вы не знаете никакихъ другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя я употребилъ? — спросилъ Соломонъ

— Какъ же мы можемъ знать ихъ, когда ты ихъ не знаешь, — сказали оба ученые въ одинъ голосъ. — Ты ученѣ насъ. До сихъ поръ мы приходили къ тебѣ за совѣтами, а не ты къ намъ, — прибавилъ одинъ изъ евреевъ.

— Да, — важно подтвердилъ другой, — мы считали и считаемъ тебя нашимъ учителемъ. Но что дѣлать, видно въ природѣ есть тайны, которыя еще не разгаданы; онѣ извѣстны только Тому, Кто все создалъ и насъ самихъ одарилъ тѣмъ разумомъ, которымъ мы доходимъ до всего и все изучить пытаемся.

Старый Соломонъ выслушалъ повидимому спокойно слова своего пріятеля-химика, распростился съ обоими, проводилъ ихъ до воротъ дома и опять

заперся съ своими книгами въ своей лабораторіи. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вышелъ оттуда уже не съ микстурою, не съ спиртами, а съ какою-то книгою. Долго стоя надъ дочерью онъ бормоталъ какія-то таинственныя слова, и произнося ихъ, всматривался въ блѣдное лицо ея, но она лежала неподвижно: ровное тихое дыханіе едва подымало грудь ея. Вздогнувъ старый Соломонъ, вздогнувъ и бросился въ порывѣ отчаянія на свою милую дочь, обнялъ ее и вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Лія! дитя мое! — говорилъ онъ, крѣпко прижимая ее къ своей груди; — очнись, взгляни на меня. Ужели ты не слышишь, что я зову тебя! Ужели ты не видишь слезъ моихъ и не понимаешь моего отчаянія! Лія, моя милая, сокровище мое!

Но Лія лежала безмолвная и недвижимая. Слезы бѣднаго отца текли потоками на ея блѣдныя щеки. Его поцѣлуи, слова, полныя ласки, и горячія слезы были напрасны. Давно ли при звукѣ голоса своего отца она бросалась къ нему на шею, цѣловала его, называла его милымъ отцомъ и говорила, что любить его больше всего на свѣтѣ, больше своей жизни.

Старый Соломонъ, измученный отчаяніемъ и сознаніемъ собственного безсилія, постоянными усиліями привести дочь въ чувство, и безсонными ночами, медленно, разбитый и безнадежный поднялся съ постели дочери, еще разъ поцѣловалъ безчувственную руку ея и побрелъ шатаясь въ свою комнату. Оставшись одинъ, бѣдный старикъ измѣрилъ всю глубину постигшаго его несчастія. Онъ убѣдился, что ни его знанія, ни его искусство не могли помочь его милой дочери. Онъ все испробовалъ и все тщетно. Въ умѣ своемъ пересчиталъ онъ книги имъ прочтенныя, травы имъ собранныя, спирты имъ составленные и понялъ, что человѣческая помощь бессильна и не можетъ возвратитъ ему дочь... никто не можетъ, кромѣ Того, Которому все доступно, Который всемогущъ.